

С СЕМЬИ НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА

*Спецпроект редакции газеты «ЭХО»

Здравствуйте, уважаемая редакция! В газете Эхо от 22.03.2019г. вы разместили фотографию без подписи и попросили откликнуться тех, кто знает людей на фото.

На фотографии - наши родители Сергей Игнатьевич и Татьяна Ивановна Барахтины, жители села Краснинского.

Папы давно уже нет с нами, а мама, Татьяна Ивановна, и сейчас живет в Краснинском. Несмотря на почтенный возраст - 83 года, живет одна в своем домике, который летом утопает в цветах. Зайдя внутрь дома, оказываешься, как в сказке - кругом все в кружевном убранстве, на стенах - вышитые картины, на полу - вязанные половички и кружочки. А сколько вязаных игрушек на полках!

Мама - большая мастерица, её поделки не раз выставлялись на всевозможных выставках. О ней Андрей Свиридов делал большой сюжет для «Вести-Кузбасс».

А какие пироги, булочки она печет для своих детей, внуков, а теперь уже и правнуков - пальчики оближешь.

Вспомнился один случай. Где-то в 80-х годах мама работала в больнице поваром. Среди медиков объявили конкурс на лучшую медсестру. Одно из заданий конкурса - испечь торт. Маму попросили, она и постаралась. Но торт не засчитали, не поверили, что в домашних условиях можно испечь такой красоты торт.

А самое главное - мама самая лучшая на свете! Оставшись в 42 года вдовой, воспитала нас, четверых детей.

А еще - самая лучшая бабушка и прабабушка! Мы любим у неё собираться просто так, без повода, просто посмотреть в родные глаза, поддержать любимые руки.

А фотография эта осталась в редакции с 2006 года, тогда Наталья Величко писала о ней статью. Я вам ее пересылаю.

С уважением, от имени всех детей, внуков и правнуков дочь Татьяны Ивановны и Сергея Игнатьевича - Елена Рябычина.

В августе 1954-го, на ст.Плотниково привыл эшелон русских эмигрантов из Китая. В их числе была Татьяна Ивановна Гавина, в замужестве Барахтина. Семья остановилась на жительство в колхозе Ударник, что располагался на территории бывшего совхоза Заря.

Сначала девушка устроилась поваром, потом пошла доить коров. Через некоторое время переехала в с.Краснинское.

Как оказалась Татьяна Ивановна на чужбине?

- Я родилась там, - рассказывает она. - И не только я, но и моя мама, мои братья. Они в Китае жили с 1918 года. Мой дед служил у одного русского генерала - тот бежал в гражданскую войну за границу, захватив с собой моего деда.

Татьяна Ивановна всегда помнила: она русская.

В семье говорили по-русски, пели русские песни. Ее колыбельной была «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг».

Семья Татьяны Ивановны в Китае на судьбу не жаловалась. В шесть лет Таню отправили в русскую гимназию. В русском поселении ст.Джалынор, где они жили, была

православная церковь, своя больница.

- В 1945 году, - вспоминает она, - когда японцы начали лютовать, а война докатилась и до Китая, родители стали укладывать нас спать в бараках на полу: боялись налетов. Но в нашей деревне все было спокойно. И все же родители решили податься к деду с бабушкой в Маньчжурию. Стали разъезжаться и другие русские.

Мы кочевали на арбах целых два года. Останавливались на зиму. Стихали морозы - мы трогались в путь. Снова останавливались, когда наступало половодье.

Боялись хунхузов (раз-

бойников - кит.). Рассказывали, что они вырезали советских солдат и целые русские деревни.

Некоторое время семья Татьяны Ивановны жила в Харбине. Там она вступила в комсомол (ССМ) - Союз Советской Молодежи. Ее назначили пионервожатой у младших детей, затем поручили работу в библиотеке.

Отец поставил перед собой цель: любой ценой перебраться в Советский Союз. Еще раньше попытку уехать из Китая предприняла одна из теток Татьяны Ивановны, но где-то сгинула. Так никто и не знает, удалось ли ей перейти границу.

А потом в России начался подъем целины. И семья родителей Татьяны всем своим большим составом вместе с другими эмигрантами поехала на родину.

- Нас очень хорошо встретили в Советском Союзе, - рассказывает она. - Дали жилье, работу. Никто ни в чем не притеснял.

Далеко на Востоке остались Китай, подружки-китаянки. Все для нее в России было новым.

- Но я не тосковала, не грустила. Родина была милее. Ведь я с детства знала: корни моих предков - в России, - говорит Татьяна Ивановна.

КОНКУРС «АХ, ЭТА СВАДЬБА ПЕЛА И ПЛЯСАЛА»

Дорогие читатели!

Поищите в своих архивах старинные, интересные, сюжетные фотографии. Расскажите историю зародившейся семьи. Присылайте фото на электронный адрес: eho1@bk.ru

Звоните по тел.: 7-40-97.

Вторая родина Эрны Блюм

В первые же дни после страшного известия о начале войны моего деда призвали в трудовую армию. И с того самого дня о нем не было никакой весточки. С тех пор минуло уже семь с лишним десятилетий, но все усилия по поиску хоть каких-то его следов не увенчались успехом.

В послевоенные годы бабушка пыталась разыскать мужа через архив министерства обороны, через международный Красный Крест. Ответ один: в списках не значится. Бабушку эта неопределенность очень удручала: как же так? Выходит ни жив, ни мертв. Но ведь так не бывает!

Мама моя – Эрна Андреевна Крамер (в девичестве Эрна Генриховна Блюм) родилась 27 апреля 1929 года в Запорожской области Украины, в немецкой деревне Шейнталь. Отец её, Генрих Павлович (свое отчество мама сменила в 70-х годах) был директором сельской начальной школы. Бабушка, Альвина Ивановна, преподавала в этой школе музыку и домоводство.

В семье директора школы было трое детей: Лидия, Павел и Эрна. Семье пришлось жить в разных сёлах Запорожской области, поскольку в те времена существовал порядок, согласно которому директоров школ меняли каждые 4-5 лет. К 1941 году семья проживала в деревне Розовке. Старшая дочь, Лидия, летом 1940 года стала студенткой Саратовского педагогического института. В июне 41-го сдавала сессию и готовилась поехать домой на каникулы.

Сутки на сборы

12 октября 1941 года жители деревни Розовка зачитали приказ Верховного главнокомандующего тов. Иосифа Виссарионовича Сталина об эвакуации немецкоязычного населения Украины вглубь территории Советского Союза. На сборы жителям села дали сутки. С собой в дорогу они могли взять на каждого человека до 20 килограммов ручной клади. Еще вечером 12 октября жители села вовсю обсуждали, как избежать эвакуации, а ранним утром 13-го всем стало понятно, что возможности спрятаться, укрыться – не будет.

Ранним утром село окружили войска, по улицам деловито сновали военные. К обеду жителей стали поторавливать: нерешительных вытаскивали из домов, формировали колонны и отправ-

ляли на станцию. Над колонной несли нескончаемый плач взрослых и детей. Старик громко молился. Всё это казалось воплощением вселенного горя и запомнилось всем на долгие годы именно так.

Людей, пытавшихся спрятаться, избивали на глазах у родственников. Вечером колонна добралась до станции, её уже ожидал на путях состав из товарных вагонов. К составу согнали жителей всех окрестных немецкоязычных деревень. Под бдительным оком военных погрузка заняла немного времени. Доставленных на станцию буквально втравливали в вагоны.

После отправки эшелон несколько суток несли на предельной скорости на восток, делая короткие остановки для смены бригады машинистов, загрузки топлива и воды. Пассажирам запрещалось далеко отходить от эшелона. Они, глядя в двери и окна вагонов, видели страшные картины после бомбёжек вражеской авиации.

Моей маме, 12-летней девочке, на всю жизнь врезалось в память огромное дерево, в ветвях которого запутались остатки женского черепа с длинными волосами.

Бабушка Альвина взяла в дальнюю дорогу швейную машинку фирмы «Морозов». Родственники подтрунивали: мол, зачем нужна тяжеленная бандура, лучше бы продуктов побольше набрала. Но бабушка отмахивалась от шутников, видимо, предчувствовала, что машинка в тяжёлое время станет кормилицей всей семьи.

Свинцовым в нагрузку

В первых числах ноября 1941 года печальный эшелон прибыл на станцию Промышленную. Тот день запомнился и как день смерти Эмилии Блюм – матери моего деда. Умерла она на подьезде к Промышленной в возрасте 68 лет, так и не увидев новой родины своих внуков и детей.

Похороны заняли совсем немного времени, может, часа два всего. Нестроганный гроб погрузили на сани, лошадка понуро довезла его до кладбища. Там чужие люди опустили гроб с телом в готовую могилу. Эти же чужие люди установили над могилой православный крест. На перекладине креста бабушка химическим карандашом написала имя и фамилию умершей, дату смерти. После войны она не раз пыталась найти на кладбище могилу свекрови, но надпись, смыли умершей, дату смерти. После войны она не раз пыталась найти на кладбище могилу свекрови, но надпись, смыли умершей, дату смерти. После войны она не раз пыталась найти на кладбище могилу свекрови, но надпись, смыли умершей, дату смерти.

Годы спустя то старое кладбище оказалось заброшенным. Ещё позже человеческие руки сровняли с землёй память о предках.

Пока на кладби-

ще решались скорбные дела, власти занимались распределением эвакуированных по сёлам. Моих предков распределили в Окунёво. Всего в Окунево попали 16 эвакуированных семей: Блюм, Юнгус, Япсен, Риттель, Гопп, Экгарт, Герценбергер, Янн, Пельц, Кнорр, Дерр, Бирт, Кочеватовы, Тухель, Оберман, Миллер. Сестры всю дорогу держались вместе, не расстались по прибытии и в Окунёве попросили, чтобы их поселили вместе. Да и сельсовету проще: на две семьи – одну квартиру.

Так на пороге небольшого пятистенника семьи Свинцовых появились шесть человек из далёкой Украины. У хозяйки было своих троих детей.

По рассказам бабушки и мамы, приём был не совсем радужным, да деваться некуда. Тем более, вскоре бабушку Альвину с сестрой забрали в трудовую армию. Старшим с детьми остался Павел, брат моей мамы, которому в то время было 16 лет. Он со дня приезда в Окунёво работал в местном заготзерно, именно его продовольственная карточка помогла выжить в голодное время. Мама пошла в Окунёвскую семилетку, а после школы приглядывала за детьми тётки Оли.

Спустя семьдесят с лишним лет после тех трагических событий, понимаю, что коренные сибиряки не могли иначе, как настороженно, встретить немецкоязычные семьи. Та же семья Свинцовых жила далеко не богато. Глава семьи уже к ноябрю 41-го числился погибшим на фронте. Хозяйка не могла работать в колхозе, из-за малолетних детей. Но надо отдать должное сибирякам: предки мои, несмотря на настороженное к ним отношение, на полное отсутствие средств к существованию, не умерли с голода. Они находили среди местных жителей хоть иногда унизительную, но поддержку.

Постепенно благодаря добросовестному труду приезжих немцев отношение к ним изменилось. Я, как представитель следующего поколения своих предков, за всю свою жизнь ни разу не ощутил со стороны односельчан ни малейшего намёка на унижение или ущемление своих прав, человеческого достоинства. Более того, со временем я стал патриотом своей малой родины не меньше, чем коренные окунёвцы.

Стала за старшую

Сестра моей мамы, Лидия, с началом войны превратилась из студентки в рабочую на лесоповале, в тайге под городом Сызрань. Там она находилась до весны 44-го. После перенесенного тяжелого воспаления лёгких ей разрешили выехать к семье

Александр и Тамара Крамер, апрель 1985г.

Дедушка с бабушкой. Блюм Генрих Павлович, Блюм Альвина Ивановна, 1935г.

Мама с папой. Арнольд Августович Крамер, Эрна Андреевна Крамер, 1956г.

Иван Иванович Юнгус, 1920 г. прадед Александра Крамера.

в Кемеровскую область. Здесь Лидию направили учительствовать в начальную школу деревни Ранненск. Здоровье, подорванное болезнью, было слабым, и следующей зимой Лидия простудилась и заболела крупозным воспалением лёгких. Недолго проболев, умерла в больнице пос. Промышленная. 15 февраля 1945 года её похоронили на кладбище села Окунёва.

Павел, самый старший из прибывших в Окунёво детей, работал в бормотовском заготзерно. Он всей душой мечтал встать на защиту Родины. Однажды по секрету рассказал сестре свой план: он собирался сбежать из Окунёва и представляться заинтересованным органам эвакуированным из Ленинграда, потерявшим документы.

Как было на самом деле, никто не знает. Весной 42 года Павел исчез. С тех пор о нём никаких сведений. После войны бабушка несколько раз делала запросы в архив Министерства обороны, в МВД, но безуспешно.

После исчезновения Павла мама осталась старшей из детей. Вместе с ней на квартире у Свинцовых жили Гарик и Тамара – дети бабушкиной сестры Ольги. Как смогли выжить трое несовершеннолетних детей, не имеющих ни родительской поддержки, ни помощи от государства (дети врагов народа), две зимы и два лета, да еще в условиях суровой Сибири?!

Моя мама всю жизнь с большой теплотой и уважением вспоминала деда Гришу Кириленко и его жену – бабушку Марфу.

Дед Гриша в годы войны работал сельским почтальоном. Каждый день, разнося корреспонденцию, исходил село вдоль и поперёк. Всегда выкраивал минутку и заглядывал в дом, где жила моя мама. Редкий день приходил без гостинца: то кусок пирога с рыбой принесет, то пирожки с калиной. А ребятишки и простой лепёшке были рады.

В первую сибирскую зиму дед Гриша соорудил моей маме обувь, какой у неё отродясь не было. Посмотрел, как девушка в летних туфлях да каких-то несусветных обмотках пробирается по сугробам в лес за дровами, и сказал ей зайти к бабке Марфе. Когда мама пришла, бабушка Марфа вручила ей сапоги. Сапоги необыкновенные: к литым резиновым калошам дед Гриша просмоленной дратвой пришил голенища от старых кирзовых сапог. Самодельная обувь оказалась великоватой, но бабушка Марфа успокоила: велико – не мало.

В этих сапогах-самоделках мама ходила в займище за дровами. Походы в согру, а затем в займище дети воен-

ных лет помнят и сегодня. За дровами отправлялись целой ватагой, набирали вязанку побольше и, увязав её на саблях, всей командой отправлялись в деревню. По дороге обсуждали деревенские новости, жалели погибших на фронте односельчан и мечтали о Победе.

Приехала сестер домой

В мае 43-го в дом к Свинцовым в очередной раз заглянул дед Гриша Кириленко и рассказал, что в газете «Правда» напечатан указ Сталина об освобождении от работ на оборонных заводах женщин, имеющих на иждивении несовершеннолетних детей. Этот указ целиком и полностью относился к работающей на оборонном заводе Альвине Ивановне, и действовать надо немедленно. Сказал, чтобы моя мама взяла с собой газету с указом и отправилась на завод, где работала Альвина Ивановна. Нужно идти к директору завода, а уж тот, прочитав указ, не посмеет не отпустить домой женщину.

14-летняя девочка отправилась в Новосибирск. В огромном городе ей предстояло среди множества больших и малых заводов разыскать тот, на котором работала её мама, Альвина Ивановна Блюм. Смелая и решительная девочка не только не растерялась в огромном Новосибирске, но и нашла землянку, в которой жила Альвина Ивановна со своей сестрой Ольгой.

Удивлению сестёр не было предела, когда, вернувшись с работы, они встретили Эрну. После слез нечаянной встречи, после расспросов, что да как, они проводили решительно настроенную девочку к заводууправлению. А там ей то ли судьба помогла, то ли что. Она попала к портфору оборонного завода, предъявила ту самую газету и заявила, что не уйдёт, пока тот не отпустит с завода её маму и тётку Олю.

Её пытались убедить, что для оборонного завода очень важен каждый рабочий. Что война скоро кончится и тогда все поедут домой. Упорная девочка стояла на своем, пугала, что в случае отказа напишет самому Иосифу Виссарионовичу.

На следующий день сестёр рассчитали с завода, выдали документы и они вместе с Эрной отправились домой. Хотя землянка, но своя

В Окунёве бабушка Альвина пошла в колхоз на «разные работы». Уставала до упаду. Сил придавала мысль о собственном жилье. Вечерами садилась за швейную машинку и при тусклом свете керосин-

ки шила нехитрую одежку для односельчан.

Ближе к осени дед Гриша сказал бабушке, что неподалеку от его усадьбы Поля Лисина продаёт землянку. Что землянка та – так себе, а вот усадьба при ней очень даже ничего.

В тот же день Альвина Ивановна сговорилась с Полей о покупке. Через день-два мать с дочерью навели в землянке порядок, побелили стены, потолок. Дед Гриша застеклил небольшие оконце у самой земли. К вечеру загудела печь. Ее тепло напомнило новосёлам о простом домашнем счастье.

Я не раз задавал и бабушке, и маме вопрос: какой день в их жизни был самым счастливым? Это сейчас я понимаю, а тогда меня удивляло, что обе они считали счастливым тот осенний вечер 1943 года. Когда все рыдали от счастья в убогой землянке, что стала их первым собственным домом на новой родине.

Ольга Ивановна Гутвин, сестра моей бабушки, вернулась в Новосибирск, устроилась там на завод, выхлопотала комнату в общежитии и забрала туда Гарика и Тамару.

В 1948 году мама вышла замуж за моего отца – Арнольда Августовича Крамера. Землянка оказалась тесной для семьи из трёх человек.

В 1950 году отец занялся строительством и в одно лето построил дом-мазанку. Премудрости строительства подсказали местные старики, а желания работать было хоть отбавляй.

В небольшой стайке из плетня, обмазанного глиной, завели корову, телёнка, пару овец. В пустующей землянке надумали держать птицу.

Летом 1947 года, придя с работы, баба Альвина обнаружила рой пчёл, сидящий на плетне. Она умела обращаться с пчёлами и быстро собралась в ванну. Вечером сбегала к местному пчеловоду деду Кудряшову. Тот по старости лет с трудом управлялся с пасекой, поэтому, когда баба Альвина рассказала ему о случайном рое, подарил ей и улей кедровый, и рамок комплект, и кое-что из инструмента. С того дня в нашей семье ведётся пасека, а улей тот до сих пор цел.

Александр КРАМЕР, Д.Пьяново.

IV Надежный причал

Для семерых детей всегда распахнуты двери

В младших классах Надежда и Юрий Комаровы из Шуринки сидели за одной партой. Потом судьба их развела. Юрий с родителями уехал в Мыски.

Спустя годы, когда им было уже за двадцать, одноклассники случайно встретились. Нынешней осенью супруги отметят жемчужный юбилей семейной жизни.

В их большой, дружной семье шесть сыновей и лапочка-дочка. Столько детей специально не планировали – столько Всевышний подарил!

– Мы очень любим детей, – говорит глава семейства. – С ними пусть и шумно, но интересно. А таких матерей, как моя Надя, еще поискать надо!

Комаровы никогда не жили богато, но старались выучить своих ребят, помочь им встать на ноги. Сегодня четверо из них имеют специальности, трое уже обзавелись семьями.

Старший Сергей – дорожный рабочий ООО «Кемеровоспецстрой». Работает вахтовым методом, строит дороги. В его семье подрастают дочка и сын.

Второй сын, Владимир, трудится в «Автодоре» водителем. Его дочке Илоне скоро исполнится два года.

Средний, Артем, закончил Томский государственный университет, специалист по нанотехнологиям. Работает на газодобывающих установках инженером-электронщиком в Иркутской области.

Четвертый сын, Вячеслав, после службы в армии уехал к брату в Томск, работает трактористом. У него за плечами Топкинский технический техникум. Первое время жил с Артемом, сейчас своя комната в общежитии.

Единственная дочь Алена заканчивает Тарасовское училище. Она – будущий повар.

Роман – десятиклассник Тарасовской средней школы. Он – активный участник районных и областных школьных олимпиад по географии, математике, истории.

Мечтает поступать на исторический факультет.

Никита – родительское сокровище, отрада, учится в четвертом классе, заядлый компьютерщик.

– Дети все разные, – говорит Надежда Алексеевна. – Один – вспыльчивый, другой – спокойный, третий – активный. Что ценно:

все они заботятся друг о друге. Старшие опекают младших, помогают им устроиться в жизни. Как, например, Артем поддержал в свое время Славу, когда тот приехал в Томск. Так поддержат и Романа, когда он поедет поступать в университет, где учился брат.

Будучи школьниками сыновья вместе с отцом заготавливали дрова, копали огород, сажали, обрабатывали картошку. С такой мужской гвардией горы можно было свернуть!

А у мамы Нади одна головная боль – как накормить такое мужское семейство. Кашками тут не отделаешься. Пятилитровую кастрюлю борща за один присест съедали. Пироги тазам пекла. До сих пор остановиться не может, тесто по привычке заводит на всех!

Особенно тяжело дались Надежде годы перестройки. Вспоминает, не знала, чем детей накормить. Однажды в минуту отчаяния поехала к начальнику райсобеса, робея, тихо сказала, что ей сегодня детей кормить нечем... В ответ услышала раздраженное: «Женщина, идите отсюда. Мы все сейчас в таком положении». Особенно обидно было слышать: «Понарожали, а теперь помощи просят».

После того случая

Надежда Комарова.

Надежда Алексеевна перестала обращаться за помощью в социальные органы, но до сих пор с благодарностью вспоминает бывшего директора Шуринской школы Александра Решетникова, который хлопотал, чтобы многодетной семье бесплатно уголь привезли, помогал, чем мог. В то время Надежда Алексеевна работала учителем начальных классов.

А как забыть поддержку Олега Каркача, бывшего начальника управления образования? Он под зарплату привозил в школу продукты. Кто – как, а Комарова отоваривалась по полной. Если брала яйца – то ведро. Если сливочное масло – коробку, сахар – мешками, конфеты – тазиком, колбасу – вязанками. Домой целую тележку везла. Детскую одежду покупала на вырост. Другого выхода не было, надо было выживать, детей поднимать.

Мальчишки выросли послушными, неизбалованными. Негативно относятся к вредным

привычкам. Да и где им было дурного набраться? В доме пьянок-гулянок не было. В гости особо не ходили, чтобы не создавать хозяевам проблем: где посадить, чем накормить такое семейство. Предпочитали дома праздники отмечать – за сладким столом, с чаем. И сегодня двери Комаровых всегда открыты для родных, дорогих детей, невесток, внуков, новых родственников.

« Надежда Алексеевна шестой год работает социальным работником. На ее попечении – восемь дедушек и бабушек, которым она стремится облегчить их жизнь.

А, как говорится, старый – что малый! А Надежде к детям не привыкать. Судьба, видно, такая! Благосчастливая судьба!

ВАЖНО ЗНАТЬ

Многодетным семьям прописали налоговые льготы.

Госдума приняла изменения в Налоговый кодекс, предусматривающие льготы по уплате ряда налогов для многодетных семей.

Новыми нормами предлагается, в частности, освободить от уплаты земельного налога на шесть соток семьи с тремя и более детьми.

Также уменьшается налоговая база по налогу на имущество для многодетных семей. По квартирам база будет уменьшена на 5 кв. метров за каждого несовершеннолетнего ребенка, а по дому на — 7 кв. метров.

Еще одна норма предусматривает введение коэффициента 1,1, ограничивающего рост земельного налога, исчисленного по кадастровой стоимости, по аналогии с жильем.

Воспользоваться налоговыми льготами можно будет уже в этом году, поскольку новые нормы распространяются на правоотношения, возникшие в 2018 году.

Многодетным семьям также предоставляются меры социальной поддержки, предусмотренные областными и федеральными законами.

Все многодетные семьи являются получателями ежемесячной денежной выплаты в размере 1000 рублей.

Для многодетных семей, в которых родился третий или последующий ребенок, введена дополнительная мера социальной поддержки – региональный материнский (семейный) капитал в сумме 130 тысяч рублей, который можно направить на улучшение жилищных условий.

Многодетным малообеспеченным семьям предоставляется:

- ежемесячная компенсация на хлеб в размере 60 рублей в месяц на ребенка в возрасте до 18 лет, за исключением детей, на которых предоставляется пособие на ребенка;

- ежеквартальная денежная выплата неполным многодетным семьям, имеющим трех детей – 500 рублей, имеющим четырех детей, – 700 рублей, имеющим пять и более детей, – 1000 рублей. Полным многодетным семьям, имеющим шесть и более детей – 700 рублей.

- бесплатная выдача лекарств, приобретаемых по рецептам врачей, для детей в возрасте до 6 лет;

- бесплатное питание один раз в день в период учебного процесса для учащихся государственных и муниципальных общеобразовательных учреждений;

- один раз в месяц бесплатное посещение парков культуры и отдыха, государственных музеев, находящихся в ведении Кемеровской области, а также выставок, организуемых в них.

- Обучающиеся государственных общеобразовательных организаций получают справки на бесплатный проезд на городском и пригородном транспорте.

- С 1 января 2013 года введена новая мера социальной поддержки – ежемесячная денежная выплата отдельным категориям семей в случае рождения (усыновления (удочерения) третьего ребенка или последующих детей до достижения ребенком возраста трех лет.

- Многодетным матерям, родившим и воспитавшим пять и более детей, выдаются удостоверения, дающие право на оформление мер социальной поддержки.

« 921 многодетная семья, в которых воспитываются трое и более несовершеннолетних ребенка в возрасте до 18 лет (3225 детей) проживают в Прохладненском районе.